

Всѣмъ на объявленіи въ строчку текста верста текста 20 к., пробѣл текста—10 к.
Со мѣся иль Россіи и изъ-за границы объявленія принимаются исключительно въ Центральной
и въ ея отдѣлахъ: въ
С.-Петербургѣ, на Большой
Нерской, № 11 и въ
Варшавѣ, Красновое
Полѣ, № 10. Отъ тор.
и въ промислен.
формъ иль въ всего
Сѣверо-Западнаго Края
объявленія прѣхитъ. по
нѣмамъ съ конторой
Гдъ. Подписанъ и
объявленіи прѣхитъ.
въ конторѣ ред.: Минскъ губ., и во всѣхъ контор. магаз. Подписанъ цѣны: съ 1-го
ч. нрм.: за 12 к.—5 р., 11 к.—4 р. 70 коп., 10 к.—4 р. 30 к., 9 к.—4 р., 8 к.—3 р. 70 к.,
7 к.—3 р. 40 к., 6 к.—3 р., 5 к.—2 р. 60 к., 4 к.—2 р. 20 к., 3 к.—1 р. 70 к., 2 к.—1 р. 20 к.,
1 к.—75 к., За границу лоплатъ. 60 к. за кажд. мѣсяцъ. Подп. считается съ 1 часа кажд. мѣся

Телефонъ редакціи и конторы № 229.

Отдѣльные NN въ продажѣ по 5 коп.

СѢВЕРНЫЙ

ВЫХОДИТЪ въ Минскѣ губ. ЕЖЕДНЕВНО

КРОМѢ ДНЕЙ ПОСЛА ПРАЗДНИЧНЫХЪ.

Консульты расрочки подл. платы П) при нмъ—2 р., 1 нмъ—1 р. 60 и 1 нмъ
1 р. 60 коп. или П) при нмъ—2 р., 1 нмъ—1 р., 1 нмъ—1 р. и 1 нмъ—1 р. За веро-
нмъ адреса: нмъгороднаго на нмъгороднѣй, городъ на нмъгороднѣй и на оборотъ—25 к.; городнаго
на городнаго—15 коп. Агентства конторы для нмъгороднаго, объявленія и рѣшительной прѣхитъ открыты
во всѣхъ городахъ Сѣверо-Западнаго Края.

Статьи для нмъ-
печатанія нмъ
быть прѣхитъ нмъ
полностью автора, съ его
адресомъ, зная бы
автора нмъпечатъ прѣхитъ
слово нмъ на нмъчатъ
Статьи, доставленныя
безъ объявленія усло-
нмъ, считаются бесплат-
ными. Малѣе статьи,
корреспонденціи и стѣ-
хотворенія, прѣхитъ нмъ
нмъ, Редакціи не
нмъпрѣхитъ.

Статьи, въ случаѣ нмъгороднаго, нмъпечатъ
нмънмъ и нмъгороднаго Редакціи

для нмънмъ объявленія открыта нмъгороднаго, за нмънмъ. нмъ прѣхитъ-
нмъ, нмъ 12 р. 2 ч. для Конторы открыта нмънмъ, нмъ 10 до 3 час. для
и нмъ 6—8 ч. нмъ; по нмънмъ—нмъ 10 до 1 час. для

Телефонъ редактора № 235.

Отдѣльные NN въ продажѣ по 5 коп.

Поэтъ скорби и любви.

Ряды подвижниковъ мысли рѣдѣютъ. Умеръ Михайловскій, великій русскій интеллигентъ, отошелъ въ вѣчность Чеховъ, властитель чувствъ и думъ русскаго общества... Въ текущемъ году мы потеряли двѣ большія, неизмѣримо великія боевыя силы, и эти силы оставили по себѣ яркій, блестящій слѣдъ въ нашей литературѣ и жизни.

Говорить о значеніи обоихъ бойцовъ за лучшіе идеалы очень трудно, почти невозможно, такъ какъ сфера ихъ труда и вліянія не одинакова, ихъ внутренній міръ, выразившійся въ произведеніяхъ мысли, разноструйный, хотя одинаково дышетъ мощью великой натуры, страдавшей общемировой скорбью.

Мы будемъ говорить о свѣжей ранѣ, о смерти Чехова, такъ близко сросшагося съ нашей душой, понявшаго одновременно съ лучшей нашей мыслящей молодежью трагизмъ нашего положенія, всѣми фибрами своего существованія рвавшагося къ болѣе свѣтлымъ горизонтамъ, гдѣ личность не измельчена, не подавлена, а самостоятельна, сильна, властна надъ жизнью. Мы будемъ говорить о художникѣ—реалистѣ, набросавшемъ тонкіе, почти неуловимые штрихи жизненнаго рисунка, глубоко проникшаго въ тайну вещей, въ мистическую сущность жизни... Вмѣстѣ съ Чеховымъ умеръ для насъ геніальный пессимистъ, но пессимистъ не отчаивавшійся, а разочаровавшійся въ свѣтлой миссіи интеллигентнаго русскаго общества, а еще больше разочаровавшійся въ современномъ человѣкѣ, поглощенномъ мелочью ежедневной жизни, въ человѣкѣ пустомъ, бездушномъ, измельчавшемся. Писатель типичный, рѣдкій, своеобразный; онъ въ своихъ произ-

веденіяхъ высмѣиваетъ злымъ, горькимъ смѣхомъ пресмыкательство, эгоизмъ, безграничную тупость обыденщины, и больше всего насъ поражаетъ сжатость изложенія, въ которомъ, несмотря на то, что рассказъ нерѣдко занимаетъ 3—4 страницы, развертывается полная трагизма картина, заставляющая думать надъ собою и вызывающая протестъ противъ обезличивающаго положенія вещей. Передъ нами рисуется жизненная правда, причемъ въ произведеніяхъ Чехова выступаетъ не весь человѣкъ, а только то, что въ немъ существеннѣе, что преобладаетъ въ его душевномъ строѣ. Нарисованные бѣглыми штрихами, такъ сказать, схематично, но психологически прослѣженные, герои Чехова рельефно выступаютъ изъ общей сѣрой рамки и какъ бы говорятъ за автора: „сѣрыя дали, сѣрые горизонты, сѣрая жизнь, сѣрые интересы“... Какъ три сестры съ безотчетно токливымъ порывомъ въ духовную Москву, куда онѣ стремятся уйти отъ пошлой дѣйствительности, какъ дядя Ваня, погружающійся въ безпросвѣтную тоску послѣ отъѣзда гостей, такъ равно и чиновникъ, умершій отъ того, что начальникъ оскорбилъ его, такъ равно и герои „Винта“, „Тины“, „Драмы“, „Капитанскаго мундира“ бьютъ по нервамъ своими сѣрыми мелочишками, заставляя насъ рваться изъ пошлой, душной, тяжело однообразной дѣйствительности.... Такъ рисовалъ намъ жизнь неизвѣстный еще никому, скромный Чехонте.

Когда же въ 1888 году умеръ Чехонте, творецъ „веселыхъ“, но полныхъ скорби, рассказовъ, возродился Чеховъ, чутко вслушивающійся въ шумъ жизни русскаго общества, захватывающій высшія стороны жизни, отражающій общественныя теченія. Рус-

ская дѣйствительность 80-ыхъ г.г., безнадежно-мрачная, заставившая современную ей интеллигенцію спасовать передъ неприглядностью общественныхъ условій, гдѣ народъ жилъ еще по древнимъ, дикимъ традиціямъ, гдѣ средній человѣкъ находился еще въ области темнаго царства, гдѣ, по выраженію Венгерова, „въ сферахъ направляющихъ рѣзко обрывались настроенія „эпохи великихъ реформъ“, эта дѣйствительность создала Чехову сильныя крылья, и онъ, взлетѣвъ въ недосыгаемую высь, увидѣлъ, какъ общество мало-по-малу банкротировало передъ неизбежнымъ, неуклоннымъ ходомъ историческихъ событій, какъ оно раскололось на двѣ равно потерявшія надежду части: на вытиковъ и неврастениковъ, проникнутыхъ сознаніемъ, что „лбомъ стѣну не пробьешь“, и на утратившихъ стремленіе къ идеалу, опошлившихся „бывшихъ“ титановъ мысли. Тогда создался новый Чеховъ, который въ своихъ произведеніяхъ позднѣйшаго періода не примыкаетъ ни къ одной изъ группъ, не показываетъ намъ своихъ симпатій, а одинаково констатируетъ фактъ измелеченія и опошленія какъ въ крайней части общества, какъ въ радикальной партіи, такъ и въ консервативной. Онъ осмѣиваетъ и низводитъ къ ничемному революціонное броженіе въ молодежи, но въ то же время рисуетъ со злобнымъ юморомъ безыдейный и равнодушный консерватизмъ. Однако не надо думать, что Чеховъ обличаетъ общество, что онъ подвергаетъ его безпощадному бичеванію, — нѣтъ: онъ лишь анализируетъ, рассматриваетъ общественныя явленія, относясь къ нимъ безразлично, какъ лѣтописецъ, передающій историческіе факты мертвой, окаменѣлой эпохи, въ которой мысль застыла, заснула, оде-

ревенѣла, а силы вылились въ никому ненужное стоячее болото, въ „тину“ общественного застоя.

Чеховъ не безпринципенъ, хотя на него часто нападали съ рѣзкимъ обвиненіемъ въ равнодушномъ отношеніи къ общественнымъ вопросамъ. Онъ относится насмѣшливо къ глупому и безцѣльному заигрыванію съ идеей, къ идеальничанію, граничащему съ буржуазной пошлостью и сытостью, съ верхомъ благонадежной тупости. Чеховъ тоскуетъ вмѣстѣ съ лучшими изъ своихъ героевъ по настоящему идеалу; онъ вмѣстѣ съ ними тоскуетъ по ломкѣ общественныхъ благоприличій и ненавидитъ мелочи ежедневной суетоки жизни. Пессимизмъ Чехова — это ярко выразившееся презрѣніе къ отсутствію нравственной и общественной выдержки въ его современникахъ.

Въ фигурѣ великаго писателя, кромѣ скорби и ненависти къ пошлости и благоглупости, мы видимъ проблески любви къ человѣчеству, вѣры въ человека. Въ его „Невѣстѣ“ и „Вишневомъ садѣ“ легкими черточками нарисованъ новый Чеховъ, который долженъ былъ проявиться въ позднѣйшемъ творествѣ. Здѣсь съ сѣраго фона картины выдѣляется яркій, блестящій штрихъ, рисующій во весь ростъ человека, въ котораго вѣрить пессимистъ Чеховъ. Этотъ новый человекъ родился въ эпоху пробужденія русской интеллигенціи 900-ыхъ г.г., когда стоячее болото внезапно всколыхнулось и, освѣженное живымъ потокомъ свѣжей мысли, свѣжей вѣры, свѣжей силы, обратилось въ грозное, бурное море; когда буря смѣнила затишье, когда новыя теченія, реактивно подѣйствовавъ на уснувшіе умы, разбудили ихъ.

Возрождался новый человекъ, и обновлялся Чеховъ, росла въ немъ вѣ-

ра, исчезалъ пессимизмъ, крѣпла любовь къ людямъ. И „наша литературная молодежь заразилась Чеховымъ, какъ далекимъ отблескомъ дивнаго свѣта, какъ частицей чудеснаго аромата. Вся наша молодежь, скромная, работающая, впечатлительная, чуткая, любила—нѣтъ, мало, мало: боготворила Чехова, преклонялась передъ нимъ, шла за нимъ... это было наше солнце, нашъ великій учитель, наше знамя и свѣтъ“*)... Третій періодъ творчества Чехова, когда онъ, вѣрующій, радостно прислушивающійся къ новому далекому, гармоничному звону, увидѣлъ въ интеллигентѣ зародышъ свѣтлаго будущаго, когда онъ, потерявшій раньше подъ ногами почву, вдругъ снова нашелъ её, этотъ періодъ, давшій намъ генія, радостно ободряющаго насъ и зовущаго въ неизмѣримыя дали, вдругъ прервался смертью поэта скорби и безконечной любви. Невидимая, безпощадная, неумолимая рука оборвала нить, связывавшую пѣвца человѣческихъ скорбей съ жизнью, и Чеховъ, жрецъ возвышенной божественной красоты, умеръ. Человѣчество обѣднѣло. Замолкли гармоничные звуки, потускнѣли яркіе образы, умеръ талантъ... Больно, обидно, страшно, что неумолимый рокъ вырвалъ изъ нашей среды лучшаго человѣка, остановилъ сильное, полное мысли перо, оборвалъ лепестки расцвѣтающей розы и втопталъ ихъ въ пыль небытія.

А вѣдь недавно мы видѣли предъ собою его некрасивое, но дивное, милое, дорогое лицо; недавно **) онъ самъ надѣялся и писалъ изъ Баденвейлера, гдѣ только что тогда устроился, слѣдующее:

„Здоровье мое поправляется, входитъ въ меня пудами. Ноги уже давно не

*) „Вирж. Вѣд.“

**) Письмо отъ 12 іюня.

болятъ, точно и не болѣли, ѣмъ я много и съ аппетитомъ; осталась только одышка отъ эмфиземы и слабосотъ худобы, прибрѣтенной мною время болѣзни. Лечить меня здѣсь хорошій врачъ, умный и знающій. Это д-ръ Schwögen, женатый на нашей мекленбургской Ж—го. Badenweiler—очень оригинальный курортъ, но въ чемъ его оригинальность, я еще не уяснилъ себѣ. Масса зелени, впечатлѣніе горъ очень тепло, домики и отели, стоящіе особнякомъ, въ зелени. Я живу въ небольшомъ особнякѣ—пансіонѣ с массой солища (до 7-ми час. вечера) и великолѣпнымъ садомъ, платимъ 1 мар. въ сутки за двоихъ (комната, обѣдъ, ужинъ, кофе). Кормятъ добро совѣстно, даже очень. Но воображаю, какая здѣсь скука вообще. Кстати, сегодня съ утра идетъ дождь, я сижу въ комнатѣ и слушаю, какъ подъ и надъ крышей гудитъ вѣтеръ“...

Прошло всего три недѣли послѣ этого послѣдняго письма, и Чехова не стало. Онъ умеръ на перепутьи, гдѣ кончалась дорога невѣрія въ человѣческіе кумиры, гдѣ стонала подавленная идея, и гдѣ начинался новый путь, освѣщенный сіяніемъ великаго идейнаго божества, путь къ священному алтарю гордаго, непобѣдимаго человека....

Подобно Моисею, прошедшему съ израилемъ знойныя, безплодныя пустыни, питавшемуся манной надежды, но только мелькомъ увидѣвшему свѣтлую цѣль стремленій—Іерусалимъ, подобно этому и Чеховъ, прошедшій съ нами безплодныя пустыни общественнаго недомыслія, застоя и пошлости, увидѣлъ издали новую прямую дорогу, на которой стоитъ факель, льющій свѣтъ и вѣру, увидѣлъ и... умеръ ушелъ отъ нарождающейся новой русской молодежи...

Я. Окунь.